

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-2>

УДК 332.122

JEL R12, R58

О. А. Романова^{а)} , Г. Ф. Галиуллина^{б)}

^{а, б)} Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Формирование и оценка потенциала развития преференциальных территорий России¹

Аннотация. В условиях новой реальности в России актуализируются исследования по выявлению и использованию дополнительных факторов обеспечения экономического роста. Среди них все большее значение для повышения устойчивости развития экономики и активизации макроэкономической динамики приобретает задействование пространственного фактора. Исследованию процессов формирования и оценке потенциала развития преференциальных территорий, которых в настоящее время в стране насчитывается более 860, посвящена эта статья. Методология исследования основана на базовых положениях теорий пространственного развития, экономической синергетики и институциональной теории. Применены методы компаративного, статистического, структурного и SWOT-анализа. Гипотеза исследования заключается в том, что использование выявленного потенциала развития преференциальных территорий (на примере территорий опережающего развития (ТОР) в моногородах) позволит повысить уровень технологического развития данных территорий. На начало 2024 г. в стране имеют статус ТОП 110 территорий, среди которых 84 моногородов. Проведенный SWOT-анализ позволил установить возможности и риски развития преференциальных территорий в России. На базе институционально-синергетического подхода к формированию ТОП разработана методика определения потенциалов развития. Проведенная на ее основе оценка потенциала 9 ТОП, созданных в моногородах, выявила только в трех из них (Набережные Челны, Тольятти и Невинномысск) наличие институтов нового уровня технологического развития территории. У шести ТОП ресурсы, институты развития, инфраструктура соответствуют текущему уровню технологического развития территории. Три ТОП могут опираться в своем развитии на стратегический потенциал своего региона (отмечается высокий или средний уровень качества жизни, инвестиционной привлекательности). Обоснованы рекомендации по корректировке стратегий развития территорий с учетом потенциала социально-экономического развития ТОП для перехода на следующий уровень технологического развития. Результаты проведенного исследования могут быть полезны при разработке обновленной Стратегии пространственного развития РФ, корректировке показателей эффективности преференциальных территорий.

Ключевые слова: преференциальные территории, территории опережающего развития, потенциал территорий опережающего развития, институционально-синергетический подход, резидент территории опережающего развития, методика оценки потенциала территорий опережающего развития

Благодарность: Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ для ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2024 год, тема НИР «Методология оценки и прогнозирования социально-экономических эффектов трансформации промышленности индустриальных регионов в условиях формирования цифровых платформенных рынков и промышленных экосистем».

Для цитирования: Романова, О. А., Галиуллина, Г. Ф. (2024). Формирование и оценка потенциала развития преференциальных территорий России. *Экономика региона*, 20(3), 625-641. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-2>

¹ © Романова О. А., Галиуллина Г. Ф. Текст. 2024.

Olga A. Romanova^{a)} , Gulia F. Galiullina^{b)} ^{a, b)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Formation and Assessment of the Development Potential of Preferential Territories in Russia

Abstract. Considering the new reality in Russia, research needs to identify and use additional factors to ensure economic growth. The spatial factor plays an important role in enhancing the sustainability of economic development and increasing macroeconomic dynamics. The study examines the formation and assesses the development potential of Russian preferential territories, of which there are currently more than 860. The research methodology is based on the principles of spatial development, synergetic economics and institutional theories. Methods of comparative, statistical, structural, and SWOT analysis are used. It is hypothesised that the use of the development potential of preferential territories (in this case, priority development areas (PDAs) of single-industry towns) will increase their technological advancement. As of 2024, 110 Russian territories, including 84 single-industry towns, have the priority development area status. The opportunities and development risks of Russian preferential territories were analysed using SWOT. An institutional-synergetic approach to the formation of PDAs was utilised to create a methodology for determining development potentials. The performed assessment of the potential of 9 priority development areas in single-industry towns revealed the presence of technologically advanced institutions only in three of them (Naberezhnye Chelny, Tolyatti and Nevinnomyssk). Six PDAs have resources, development institutions, and infrastructure corresponding to the current technological development level of the territory. Three PDAs can rely on the strategic potential of their regions (characterised by a high or average quality of life and investment attractiveness). The study offered recommendations for adjusting territorial development strategies, taking into account the socio-economic potential of priority areas for their transition to the next technological level. The findings can be used for updating the Spatial Development Strategy of the Russian Federation and adjusting the performance indicators of preferential territories.

Keywords: preferential territories, priority development areas, socio-economic potential of priority development areas, institutional-synergetic approach, resident of the priority development area, methodological support for assessing potential

Acknowledgments: *The article has been prepared in accordance with the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024, the research topic «Methodology for assessing and predicting the socio-economic effects of industrial transformation in industrial regions in the context of the formation of digital platform markets and industrial ecosystems».*

For citation: Romanova, O. A., & Galiullina, G. F. (2024). Formation and Assessment of the Development Potential of Preferential Territories in Russia. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 20(3), 625-641. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-2>

Введение

Концепция технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года¹ (далее Концепция), принятая в 2023 г., нацелена на развитие высокотехнологических отраслей экономики страны в среднесрочной перспективе. В условиях новой реальности (разрыв производственных цепочек из-за ужесточения антироссийских санкций, уход из страны крупных международных корпораций, все возрастающий дефицит трудовых ресурсов, геополитические серьезные трансформации и т. п.) достижение технологического

суверенитета страны является первостепенной стратегической задачей. И при ее решении роль системообразующего фактора могли бы играть территории с законодательно закрепленными особыми режимами ведения предпринимательской деятельности (далее — преференциальные территории). Предоставляя серьезные преференции бизнесу, открывающему новые предприятия на этих территориях, государство вправе рассчитывать, что данные территории будут эффективным инструментом достижения инновационно ориентированного экономического роста. Первый шаг на этом пути — добавление к установленным требованиям резидентства условий по уровню технологического развития открываемых производств.

Одним из серьезных вызовов как при реализации Концепции, так и при открытии малыми

¹ Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утв. Расп. Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. №1315-п. <http://static.government.ru/media/files/KIJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OibVp18F.pdf> (дата обращения: 17.03.2024).

технологическими компаниями производств в статусе резидента преференциальной территории, является наличие у территории необходимого потенциала социально-экономического развития. Потенциал развития — это ресурсы и возможности их использования, определяемые целями развития. Важно отметить, что потенциал развития не является константой, и его оценка меняется в соответствии с динамикой внешней и внутренней среды территории, наличием востребованных внутренних ресурсов и четкой системой целеполагания. При этом неиспользованный потенциал развития со временем может увеличить риск деградации территории.

Степень изученности проблемы

При изучении территорий с преференциальными условиями ведения предпринимательской деятельности зарубежные ученые используют термин «Special Economic Zones» (специальные экономические зоны — СЭЗ). К 2019 г. в 147 странах действовало 5,4 тыс. таких территорий¹.

Развитие преференциальных территорий большинство ученых рассматривают в рамках теорий кумулятивного роста (Бакланов, 2017), основой которых является наличие базовой отрасли или группы отраслей, распространяющих свой кумулятивный рост на окружающие их отрасли или территории (Наумов и др., 2020). В российской действительности имплантация данных теорий происходит довольно специфично. Например, если при создании дальневосточных территории опережающего развития (ТОР) определяется их приоритетная специализация (согласно модели Г. Мюрдаля), то в моногородах преференциальные территории создаются от обратного — регламентируется отказ от существующей моноспециализации городского поселения. Известна позиция их создания не только на основе теории полюсов роста Ф. Перу, но и в соответствии с кластерной концепцией М. Портера (Виленский, 2021). Н. С. Степанов обращает внимание на то, что специальные зоны важно формировать с учетом конкретных преимуществ территории, что соответствует концепции точек роста, но в действующих нормативных документах выдвигаются равные требования к создаваемым преференциальным территориям

без учета их потенциала развития (Степанов, 2023).

При изучении роли преференциальных территорий в пространственном развитии выявлено, что они стали «приоритетным направлением государственной политики пространственного развития» (Швецов, 2018), но выполняют второстепенные функции в достижении стратегических целей страны (Виленский, 2020). С. Н. Леонов считает, что реализация концепции полюсов роста в виде дальневосточных особых территорий оказалась неудачной из-за масштабы создаваемых территорий, слабости мер государственной поддержки, приоритетности фискальной функции государства и др. (Леонов, 2020). Г. А. Борщевский, доказывая умеренное влияние преференциальных режимов на развитие Дальневосточного макрорегиона, отметил неоднозначную эффективность данных институтов развития и смещение вектора преференциальных территорий с инновационно-технологической к рентоориентированной деятельности. Он отмечает, что проекты, реализуемые в преференциальных территориях, соответствуют в большей степени лишь сложившейся специализации экономики (Борщевский, 2024).

Представляется правомерным предостережение от излишнего распространения практики СЭЗ, так как увлеченность точечной стратегией увеличивает риски разрыва единого пространства страны и может привести к созданию нездоровой предпринимательской среды (Бухвальд & Валентик, 2015; Цыганков, 2017). В то же время очевиден весомый вклад преференциальных территорий в привлечение инвестиций в регионы. Повышается значимость комплексной оценки деятельности таких территорий с включением в них не только экономической, но и социо-экологической эффективности (Гуляева и др., 2020; Кашина, 2016). Важно отметить, что в мировой практике повышается значимость ОЭЗ с позиций соблюдения самых высоких социальных, экологических и управленческих стандартов. Именно этот факт становится определяющим для придания той или иной территории статуса преференциальной.

Сторонники активного создания преференциальных территорий (Alder et al., 2016; Wei et al., 2018, Ahmed et al., 2020, Тургель и др., 2019) подчеркивают их преимущества с позиции стимулирования иностранных инвестиций, создания рабочих мест, инфраструктуры и помощи принимающим странам в диверсификации их экономики. Наравне с множеством

¹ Доклад о мировых инвестициях за 2019 г. Особые экономические зоны // UNCTAD/WIR/2019 (Overview). https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_overview_ru.pdf (дата обращения: 23.03.2024).

примеров успешных преференциальных территорий существуют примеры дорогостоящих и провальных проектов. Их деятельность вызывает споры и альтернативные оценки. Критики (Quaicoe et al., 2017; Holden, 2017, Hardaker, 2020) утверждают, что СЭЗ влекут за собой больше затрат, чем выгод, негативно влияют на местные сообщества, подрывают права трудящихся. Например, СЭЗ в Индии не смогли стимулировать ускорение развития в прилегающих к ним районах. Неэффективность их деятельности вызвана извлечением ренты корпоративными политиками в сговоре с государственными корпорациями развития (Alkon, 2018). В отчете ЮНКТАД отмечается, что после недолгого активного роста экономических показателей СЭЗ у большинства зон темпы развития фиксируются на уровне национальной экономики¹. Отсутствие сопутствующей социальной инфраструктуры создает экономически сдерживающий фактор для привлечения рабочей силы и развития сопутствующих отраслей, которые в противном случае естественным образом возникают вокруг существующей инфраструктуры (Möller, 2019).

На наш взгляд, при определении статуса преференциальной территории важно обосновать, на достижение каких стратегических национальных целей будет направлен предлагаемый инструментарий поддержки, существуют ли у территорий потенциал развития для реализации этих целей. Качество инвестиционной среды можно также рассматривать как элемент потенциала развития территории. Именно оно, как показали исследования развития 25 польских СЭЗ, является существенным фактором для привлечения потенциальных иностранных инвесторов (Dorożyński et al., 2018). Китай также привлекает прямые иностранные инвестиции в основном благодаря своей надежной инвестиционной среде, а также усилиям центральных и местных органов власти по преодолению ограничений на инвестиции (Zheng, 2013).

Бизнесу нужны не только инвестиции, но и осознание, что в новой реальности необходим прорывной переход на следующий уровень технологического развития² за счет внедрения критических и сквозных технологий.

¹ Доклад о мировых инвестициях за 2019 год. Особые экономические зоны /. UNCTAD/WIR/2019 (Overview) Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_overview_ru.pdf.

² Уровни технологического развития классифицированы авторами статьи, исходя из степени передела выпускаемой продукции.

В связи с этим бизнес-проекты потенциальных резидентов представляется необходимым рассматривать через призму наукоемкости используемых технологий с целью обеспечения технологического суверенитета страны.

В новой реальности целесообразно рассматривать преференциальные территории, прежде всего, как новую промышленную систему (Романова, 2011), целью функционирования которой является приток инвестиций в освоение новых критических и сквозных технологий. Такая система в рамках современной технико-экономической парадигмы нацелена на реализацию потенциала новейшего технологического уклада, обладает способностью к сложному поведению и самоорганизации.

Данные и методы

Исследование проведено с использованием статистических отчетов, показателей муниципальной статистики³, отчетов Счетной Палаты РФ, аналитических записок, нормативных и информационных материалов о развитии преференциальных территорий, рейтинговых показателей по качеству жизни населения, инвестиционной привлекательности регионов.

Учитывать неравномерность, неравновесность эволюции территории и ориентироваться на получение положительных синергетических эффектов в ее развитии, сосредоточив внимание на фазовых, структурных изменениях, способствующих переходу на качественно новый уровень развития территории, позволяет институционально-синергетический подход.

Согласно универсальной феноменологической теории фазовых переходов Ландау все фазовые переходы имеют несколько стадий, на которых необходимо включать соответствующие механизмы развития (Кузнецов, 2005). Первоначально социально-экономическое пространство территории развивается на невысокой скорости и имеет квазиламнарную форму: традиционные и отдельные зарождающиеся элементы нового вектора развития перемещаются слоями, по параллельным траекториям, не смешиваясь и без пульсаций. Развитие идет равномерно, без беспорядочных скачков давления, направления и скорости. В этот период территориального развития необходимо применять кибернетические механизмы управления с целью удержания системы

³ База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО). Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 17.03.2024).

в пределах заданной целевой функции. Однако после преодоления некоего критического значения элементов новой траектории развития (для различных условий оно разное) режим территориальной эволюции меняется: струйный (квазиламинарный) поток становится хаотичным, вихревым, то есть турбулентным. Система становится неуправляемой с позиции кибернетики, и в этот момент включаются механизмы синергетики. В какой-то момент система переходит в крайне неустойчивое положение, достигает точки бифуркации, и случайное событие или, с позиций синергетического подхода, малое управленческое решение (укальвание в триггерные точки) переводит систему на другой виток развития, происходит фазовый переход. В этот момент крайне важно качество управленческого воздействия — можно получить положительный или отрицательный синергетический эффект.

Разработанная методика основывается на положениях институционально-синергетического подхода и расчет интегрального показателя «потенциал социально-экономического развития территории» проводится с целью оценки ресурсов, необходимых для перехода территории на следующий уровень технологического развития. При этом выявляются разрывы в развитии территории, что позволяет оперативно разрабатывать целевые программы по необходимым изменениям в системе и корректировать промышленную политику региона, выполняющую роль параметра порядка (управляющий параметр) при переходе территории на следующий уровень технологического развития.

Методология исследования основана на базовых положениях теорий пространственного развития, институциональной теории, экономической синергетики. Используются методы компаративного, статистического и структурного анализа, SWOT-анализа.

Анализ развития преференциальных территорий

На начало 2024 г. в стране действует 861 преференциальный режим¹. Резидентам предоставляется широкий спектр льгот (Аркин & Слостников, 2017). Наличие большого количества таких режимов, с одной стороны, увеличи-

вает конкуренцию за потенциальных резидентов, с другой стороны, концентрация ресурсов на отдельных территориях, по мнению ученых, приводит к нарастанию межтерриториальной разобщенности (Лаврикова & Суворова, 2021) и формирует недоверие в обществе к такому механизму государственного управления из-за отрицательного опыта деятельности некоторых ранее открытых преференциальных территорий (Швецов, 2016).

Среди преференциальных режимов наиболее массовыми по количеству являются индустриальные (промышленные) парки (377 ИП), промышленные кластеры (148 ПК), промышленные технопарки (116 технопарков), территории опережающего развития (110 ТОР), особые экономические зоны (50 ОЭЗ). Меньше всего в стране открыто инновационных научно-технологических центров (11 ИНТЦ), свободных экономических зон (3 СЭЗ), специальных административных районов (2 САР). В 2022 г. создана Арктическая зона РФ, в 2022 г. на всей территории Курильских островов запущен преференциальный режим ведения предпринимательской деятельности (рис. 1).

Тот или иной тип преференциального режима представлен во всех регионах. По одному виду преференциальной территории² создано в 6 регионах — это республики Адыгея (ИП «Ромекс-Теучежский»), Алтай (ИП «Агропромышленный парк „Амза”»), Калмыкия (ИП «Агропромышленный парк Агро-Тег»), Забайкальский край (ТОР «Забайкалье»), Магаданская область (Свободная экономическая зона), Ненецкий АО (округ полностью входит в Арктическую зону РФ).

Хозяиствующим субъектам (в статусе резидента) наиболее широкий выбор законодательно закрепленных налоговых, таможенных, административных и других преференций предоставляют такие регионы, как Московская область (106 преференциальных режимов, или 11,8 % от их общего числа), г. Москва (59, или 6,5 %), Татарстан (46, или 5,1 %), Республика Башкортостан (28, или 3,1 %), Челябинская обл. (24, или 2,7 %). 16 регионов сосредоточили у себя 449 преференциальных территорий, что составляет 49,8 % от их общего числа. Соответственно, на оставшиеся 69

¹ Без учета свободной экономической зоны, созданной согласно Федеральному закону от 24.06.2023 № 266-ФЗ «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области». <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306240004>

² В исследовании используются два понятия — преференциальные режимы (861 ед.) и преференциальные территории (901 ед.), так как один режим может действовать на территории нескольких регионов. Например, преференциальный режим «Свободный порт Владивосток» действует в 5 регионах: Камчатский, Приморский, Хабаровский и Сахалинская обл., Чукотский АО.

Рис. 1. Преференциальные режимы (источники: ОЭЗ. Минэкономразвития РФ. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territory/osobyie_ekonomicheskie_zony; TOP. Минэкономразвития РФ. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territory/top/; ГИС Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры. Минпромторг РФ. <https://gis.gov.ru/gisip/#/sections/map/36.494527,55.234452/6/parks:wkc?lng=ru>; Индустриальные парки России – 2023. Отраслевой обзор. <https://indparks.ru/materials/edition/obzor-industrialnykh-parkov-rossii-2023>; Бизнес-навигатор по технопаркам России – 2023: ежегодный бизнес-навигатор)

Fig. 1. Preferential treatment

регионов приходится 50,2 % всех преференциальных территорий (рис. 2).

Такая сильная дифференциация усиливает региональные диспропорции в развитии страны. Острая конкуренция бизнес-структур за ресурсы усугубляется на территориях, где действует большое количество преференциальных режимов. Это может привести к получению синергетического эффекта, но для этого должны быть синхронизированы действия всех заинтересованных сторон (бизнес-сообщества, населения, власти и др.), они не должны противоречить государственным стратегическим целям. Также в ситуации с дефицитом кадров актуализируется проблема повышения уровня роботизации, цифровизации производств, что должно найти отражение в требованиях к резидентам преференциальных территорий. К сожалению, в настоящее время преобладают требования по количественным характеристикам (количество рабочих мест, сумма инвестиций и т. п.), при отсутствии оценки качества создаваемых рабочих мест и уровня технологий открываемых производств. А также резиденты, решая вопрос с обеспеченностью трудовыми ресурсами, должны быть готовы внедрять стратегию «HR-трансформация» (Акбердина & Василенко, 2023).

Самым молодым видом преференциальных территорий с большим количеством объектов управления является территория опере-

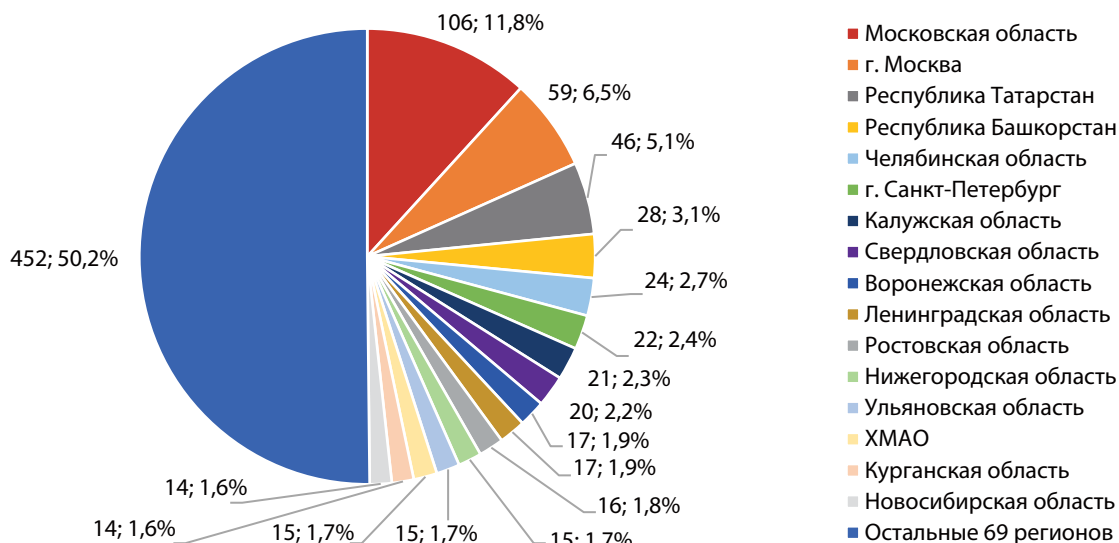
жающего развития. На 1.01.2024 в 55 регионах созданы 110 TOP, в том числе 17 на Дальнем Востоке, 1 в Арктике, 8 в ЗАТО, 84 в моногородах (табл. 1).

Общее число зарегистрированных резидентов TOP составило 2446 единиц, при этом 22,6 % от общего количества зарегистрированных резидентов (554 компании) потеряли данный статус (табл. 2).

Наполняемость TOP резидентами из года в год растет: на конец 2016 г. в среднем на одну преференциальную территорию в ДФО приходилось 8 резидентов, в моногороде — 1. За семь лет среднее число резидентов выросло, соответственно, до 53 и 17 компаний (рис. 3).

За 2023 г. среднее число резидентов в ДФО увеличилось в 1,5 раза, что обусловлено объединением TOP на Дальнем Востоке. TOP в моногородах во многом отличаются от других преференциальных территорий. Прежде всего тем, что такие TOP создаются в границах существующих городов, а не в чистом поле, как большинство ОЭЗ и TOP в ДФО, не создается управляющая компания, напрямую не вкладываются бюджетные инвестиции в инфраструктуру резидентов, устанавливаются показатели по количеству новых рабочих мест.

При разработке стратегических документов в сфере развития преференциальных территорий необходимо не только учитывать их сильные и слабые стороны, но и видеть открываю-

Рис. 2. Региональная структура преференциальных территорий (источники: ОЭЗ. Минэкономразвития РФ. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_e_ekonomicheskie_zony/; ТОР. Минэкономразвития РФ. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/; ГИС Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры. Минпромторг РФ. URL: <https://gisip.gov.ru/gisip/#/sections/map/36.494527,55.234452/6/parks:wkeC?lng=ru>; Индустриальные парки России – 2023. Отраслевой обзор. <https://indparks.ru/materials/edition/obzor-industrialnykh-parkov-rossii-2023/>; Бизнес-навигатор по технопаркам России – 2023: ежегодный бизнес-навигатор)

Fig. 2. Regional structure of preferential territories

Таблица 1

Сравнение условий двух типов территорий опережающего развития

Table 1

Comparison of conditions of two types of priority development areas

№	Условия формирования	Дальний Восток, ЗАТО, Арктика (1 тип ТО)	Моногорода (2 тип ТОР)
1	Нормативное регулирование	Федеральный закон от 29.12.2014 года № 473-ФЗ	Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 г. № 614
2	Срок действия режима	70 лет	10 лет
3	Территория	В границах одного или нескольких муниципальных образований	В границах муниципального образования
<i>Налоговые льготы</i>			
4	Страховые взносы	Первые 10 лет – 7,6 % (вместо 30 %)	
	Налог на прибыль	Первые 5 лет после получения прибыли – 0 %, вторые 5 лет – 12 %	
	Налог на имущество	Льготная ставка и срок ее действия устанавливают регионы	
	Налог на землю	Льготная ставка и срок действия устанавливают местные органы власти	
	Право на применение заявительного порядка на возмещение НДС	Предусмотрено	Не предусмотрено
5	Привлечение рабочей иностранной силы	Не требуется разрешение	Не более 25 % от количества создаваемых рабочих мест
6	Компенсирующая субсидия на возмещение % ставки по кредитам, привлеченным инвесторами на строительство объектов инфраструктуры (в размере до 100 % от ставки рефинансирования)	Предусмотрено	Не предусмотрено
7	Таможенные пошлины	Свободная таможенная зона	Нулевые таможенные пошлины – для технологического оборудования (в том числе комплектующих и запасных частей к нему), аналоги которого не производятся в РФ

Окончание табл. 1 на след. стр.

№	Условия формирования	Дальний Восток, ЗАТО, Арктика (1 тип ТО)	Моногорода (2 тип ТОР)
8	Управляющая компания	Создается, наделена специфическими полномочиями, приравненными к органам государственной власти	Не создается (управляет уполномоченный орган региона)
9	Бюджетные инвестиции в инфраструктуру	Предусмотрено / Не предусмотрено	Не предусмотрено
10	Тип инвестиционной площадки	Гринфилд / Браунфилд	Браунфилд
11	Административные процедуры	Сокращенные сроки проведения контрольных проверок не более 15 дней	Не предусмотрено
		Сокращенные сроки получения разрешительной документации	
		Упрощенная система выделения земельных участков	
		Приоритетное подключение к объектам инфраструктуры	
		Режим «одного окна» для инвестора	
		Понижающий коэффициент НДС от 0 % до 0,8 % в течение 10 лет	
		Льготные арендные ставки для резидентов на имущество и земельные участки	
Право управляющей компании на защиту резидента в суде			

Источники: О территориях опережающего развития в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2014 №473-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/; Об особенностях создания территорий опережающего развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 г. № 614 (последняя редакция). Режим доступа: <https://base.garant.ru/71107924/#friends>.

Таблица 2

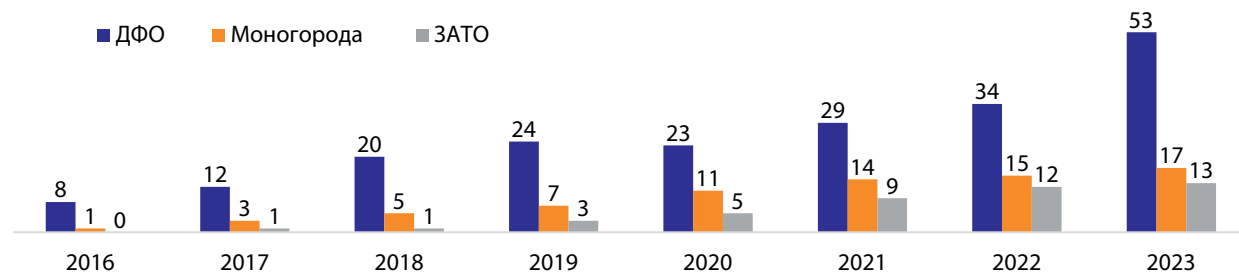
Информация по территориям опережающего развития

Table 2

Information on priority development areas

Тип ТОР	Количество ТОР, ед.	Количество резидентов, ед.	из них потеряли статус резидента	
			ед.	доля, %
Дальневосточные	18	948	181	19,1
Моногорода	84	1394	364	26,1
ЗАТО	8	104	9	8,7
Всего	110	2446	554	22,6

Источники: Реестр резидентов ТОСЭР. АО «Корпорация развития Дальнего Востока». <https://erdc.ru/about-tor/>; Реестр резидентов ТОСЭР, на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов). Минэкономразвития РФ. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/; Реестр резидентов ТОСЭР в ЗАТО атомной отрасли. Управляющая компания АО «Атом-ТОР». <https://atomtor.ru/reestr/> (дата обращения: 17.03.2024). Рассчитано на основе реестров резидентов ТОР (по состоянию на 01.01.2024)).

Рис. 3. Динамика зарегистрированных резидентов на 1 ТОР (в среднем) (источник: Реестр резидентов ТОСЭР. АО «Корпорация развития Дальнего Востока». <https://erdc.ru/about-tor/>; Реестр резидентов ТОСЭР, на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов). Минэкономразвития РФ. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/; Реестр резидентов ТОСЭР в ЗАТО атомной отрасли. Управляющая компания АО «Атом-ТОР». <https://atomtor.ru/reestr/> (дата обращения: 17.03.2024). Рассчитано на основе реестров резидентов ТОР (по состоянию на 01.01.2024))

Fig. 3. Dynamics of registered residents in 1 PDA (on average)

Таблица 3

SWOT-анализ развития ТОР

Table 3

SWOT analysis of priority development areas

Сильные стороны	Слабые стороны
Привлечение инвестиций. Создание новых рабочих мест. Стимулирование импортозамещения. Диверсификация экономики. Увеличение налогооблагаемой базы. Кластерное взаимодействие (консолидация ресурсов, совместное использование инфраструктуры).	Высокие риски использования механизма ТОР вследствие недостаточной их проработанности и научного обоснования. Преобладание тактических и ситуационных методов управления, которые не учитывают стратегические цели страны.ц Недостаточность законодательно установленных критериев выделения ТОР с акцентом на развитие высокотехнологичных производств. Слабая нормативно-правовая база, в том числе в части законодательно установленных принципов открытости и прозрачности управления развитием территорий. Недостаток необходимой инфраструктуры для развития и/или низкое качество предоставления соответствующих услуг. Недостижение целей развития ТОР из-за имеющегося слабого потенциала развития территорий и региональных отличий. Отсутствие методик качественной и упреждающей оценки эффективности деятельности.
Возможности	Угрозы / вызовы
Развитие ТОР обеспечено поддержкой государства. Трансформация нормативно-правовой базы и производств резидентов под задачи достижения технологического суверенитета в развитии страны Реализация проектов ТОР в форме государственно-частного партнерства. Развитие тенденций упрощения, рационализации административных процедур, касающихся привлечения инвестиций.	Действуют как анклав и оказывают ограниченное воздействие вне своих пределов. Высокая вероятность непокрытия выпадающих доходов бюджетов в среднесрочной перспективе. Перевод в резиденты действующих предприятий с целью получения преференций. Динамика положительного развития ТОР, учитывая опыт ранее созданных преференциальных территорий, может носить временный характер. Отсутствие системного подхода к управлению в сфере создания и функционирования ТОР. Репутационные риски из-за закрытия неэффективных ТОР. Отрицательные демографические тенденции, как на уровне страны, так и на уровне отдельных территорий. Жесткая конкуренция за ресурсы между ТОР, сконцентрированных в отдельных регионах.

Источник: составлено авторами.

щиеся возможности и возможные угрозы, которые можно систематизировать на основе SWOT-анализа (табл. 3).

Сильные стороны ТОР заключаются в возможностях государственных органов власти активнее привлекать инвестиции на открытие новых производств, диверсификацию экономики территории. В краткосрочной перспективе рост налоговых поступлений происходит за счет НДФЛ, в долгосрочной — за счет других налогов.

Слабые стороны использования механизма ТОР заключаются в необходимости доработки законодательства по вопросам предоставления преференций в целях достижения прозрачности, последовательности и предсказуемости деятельности органов управления и резидентов. Тормозит развитие территорий отсутствие или низкое качество инфраструктурных объектов (Котлярова, 2022). Сопоставление затраченных ресурсов на создание необходимой

инфраструктуры, выпадающих доходов бюджетов всех уровней и полученных результатов показывают невысокую эффективность деятельности ТОР. Это происходит в том числе из-за нехватки трудовых ресурсов для открываемых производств, что связано с многолетними отрицательными демографическими тенденциями в развитии территорий (Козлова & Макарова, 2022).

Серьезной внутренней угрозой для эффективного функционирования ТОР является отсутствие системного подхода к формированию и использованию механизма ТОР. Угрозы для реализации государственных задач по развитию ТОР не только имеют внутренние причины, но и во многом определяются сложной геополитической ситуацией, беспрецедентным санкционным давлением на российскую экономику. В условиях этого давления, когда в России с 2022 г. по настоящее время реализуется этап

Уровни технологического развития территории

Table 4

Technological development levels

Уровень технологического развития	Код	Уровень передела продукции	Расшифровка
Первый уровень	I УТР	Нулевой	Сырьевая продукция (минеральное топливо, руды и другие полезные ископаемые, древесина), то есть материалы, имеющиеся в природной среде и извлекаемые из нее
Второй уровень	II УТР	Низкий	Товары, характеризующиеся низкой технологической сложностью и простотой переработки, большинство из которых выступают промежуточными товарами для последующих производств
Третий уровень	III УТР	Средний	Готовые товары невысокой технологической сложности или промежуточные товары, являющиеся результатом многостадийной переработки исходных материалов
Четвертый уровень	IV УТР	Высокий	Готовые товары, представляющие собой результат глубокой переработки с более сложной технологией производства
Пятый уровень	V УТР	Высший	Инновационная продукция, базовая инновация

Источник: составлено авторами.

мобилизационного развития научно-технологической сферы¹, актуализируется проблема исследования потенциала ТОР с позиций возможности развития здесь производств, выпускающих продукцию более высоких технологических переделов. С целью выявления таких возможностей у преференциальных территорий разработаны модель и методика оценки потенциала ТОР.

Методика оценки потенциала социально-экономического развития территории опережающего развития

Методика оценки потенциала ТОР включает последовательную реализацию четырех основных этапов.

Этап 1. Определение уровня технологического развития ТОР

Выпускаемая продукция ключевых предприятий территории, исходя из степени передела выпускаемой продукции, классифицируется по пяти уровням технологического развития (УТР), которые соотношены с теорией технологических укладов (табл. 4).

Этап 2. Расчет интегрального показателя «потенциал социально-экономического развития ТОР»

Базой расчета данного показателя является авторская модель потенциала социально-экономического развития ТОР (рис. 4).

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024г. №145. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=2> (дата обращения: 17.03.2024).

В соответствии с разработанной моделью интегральный показатель «потенциал социально-экономического развития ТОР» (далее ИПТОР) определяется как сумма четырех частных показателей — потенциалов экономического, демографического, технологического развития и доходной базы территории. Расчет показателей, формирующих каждый из выделенных составляющих потенциала, приведен в работе (Галиуллина, 2018). На каждом из этапов развития территории значимость того или иного потенциала меняется, и, исходя из этого, им присваиваются разные весовые коэффициенты, полученные экспертным путем. А также, учитывая принцип системности, принимается во внимание уровень развития региона, где находится преференциальная территория. Регион при этом рассматривается как система более высокого порядка, показатели которой существенно влияют на эволюцию территории как подсистемы.

Этап 3. Расчет интегрального индекса стратегического потенциала региона

Основой расчета интегрального индекса стратегического потенциала региона являются показатели Национального рейтингового агентства по инвестиционной привлекательности регионов², агентства «РИА Рейтинг» по каче-

² Ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России. 2022 г. Национальное рейтинговое агентство НРА. https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analitic_article/IPR_2021_fin.pdf (дата обращения: 19.02.2024).

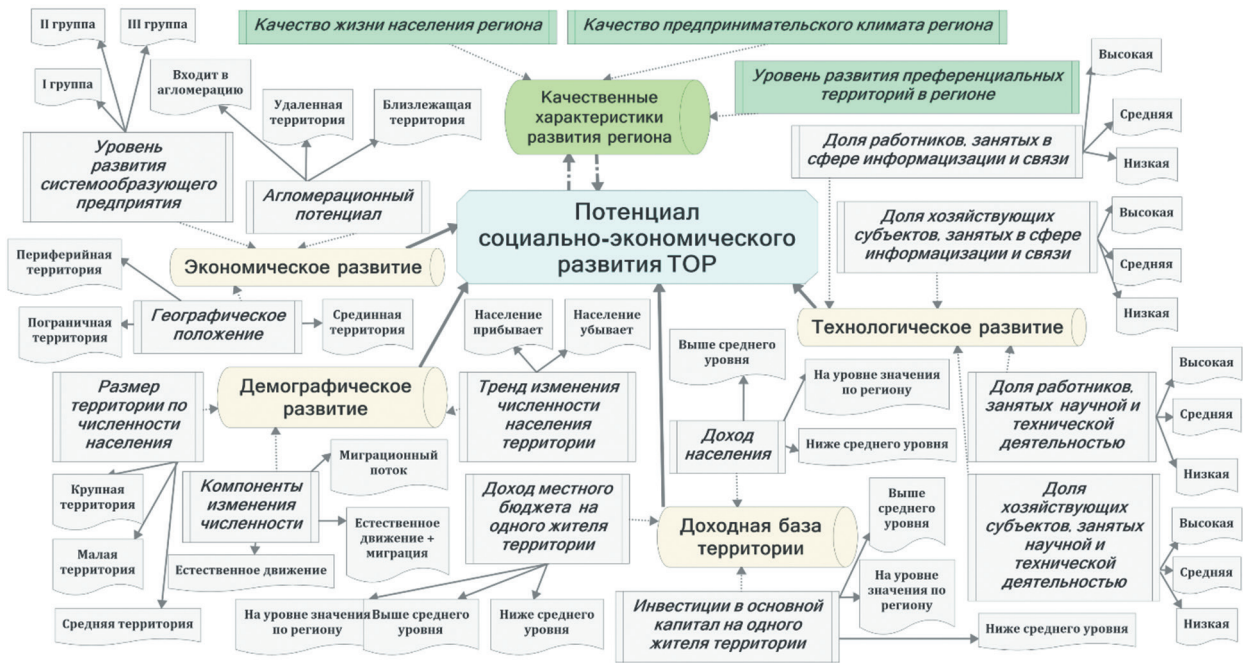

Рис.4. Модель потенциала социально-экономического развития ТОР (источник: составлено авторами)

Fig. 4. Model of the socio-economic potential of PDA

ству жизни населения регионов¹, а также обобщенная информация по количеству преференциальных территорий в региональном разрезе. Стратегический потенциал и частные потенциалы (инвестиционная привлекательность, качество жизни, развитие преференциальных территорий) оцениваются по специальной шкале, разделенной на три категории (высокий, средний, низкий уровень развития), внутри каждой из которых выделяются еще три группы (первый, второй, третий ранг).

Потенциал социально-экономического развития ТОР в значительной мере зависит от наличия в анализируемом регионе территорий с различными преференциальными режимами. Оценка их развития в регионе проводится по индустриальным паркам (ИП), технопаркам (ТП), кластерам (Кл), территориям опережающего развития (ТОР), особым экономическим зонам (ОЭЗ), другим видам (инновационно-территориальные кластеры, инновационные научно-технические центры, наукограды, СЭЗ и др.). Совокупность выявленных преференциальных территорий по каждому виду принимается за 100, и на основании этого присваивается каждому виду свой коэффициент.

На следующем шаге рассчитывается суммарный показатель развития преференциаль-

ных режимов (ПР) по каждому региону по формуле (1):

$$ПР^j = K_{ИП} \cdot N_{ИП}^j + K_{ТП} \cdot N_{ТП}^j + K_{Кл} \cdot N_{Кл}^j + K_{ТОР} \cdot N_{ТОР}^j + K_{ОЭЗ} \cdot N_{ОЭЗ}^j + K_{др} \cdot N_{др}^j, \quad (1)$$

где $ПР^j$ – суммарный показатель развития преференциальных режимов в j регионе; K – коэффициенты соответствующих преференциальных режимов; N^j – количество объектов соответствующего преференциального режима в регионе.

Шаг группировки регионов по развитию преференциальных режимов (Шпр) определяется по формуле (2):

$$Ш_{пр} = (ПР_{max} - ПР_{min}) / 9, \quad (2)$$

где $ПР_{max}$ – максимальное значение среди суммарных показателей регионов; $ПР_{min}$ – минимальное значение среди суммарных показателей регионов.

Аналогично расчет шага группировки (Шк) регионов по качеству жизни населения производится по формуле (3):

$$Ш_{к} = (K_{max} - K_{min}) / 9, \quad (3)$$

где K_{max} – максимальное значение среди показателей регионов по рейтингу качества жизни; K_{min} – минимальное значение среди показателей регионов по рейтингу качества жизни.

Интегральный индекс стратегического потенциала i региона, который включает в себя интегральные показатели качества жизни, раз-

¹ Рейтинг регионов по качеству жизни – 2021. РИА рейтинг. Россия сегодня. <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html> (дата обращения: 19.02.2024).

вития преференциальных режимов и инвестиционной привлекательности, рассчитывается по формуле (4):

$$\text{ИСП}_i = \sqrt[3]{\text{ИИП}_i \cdot \text{ИКЖ}_i \cdot \text{ИПР}_i}, \quad (4)$$

где ИСП_i — интегральный индекс стратегического потенциала региона i ; ИИП_i — интегральный показатель инвестиционной привлекательности региона i ; ИКЖ_i — интегральный показатель качества жизни населения региона i ; ИПР_i — интегральный показатель развития преференциальных территорий в регионе i .

На развитие территорий с низким и низким уровнями технологического развития сильно влияет инвестиционная привлекательность региона, так как для предприятий важно привлекать инвестиции для обновления и модернизации оборудования, разработки новых месторождения. Для территорий с 3 и 4 УТР важна институциональная среда, которая оценивается через показатель развития в регионе преференциальных режимов. Для территорий с 5 УТР (высокоинтеллектуальные производства) наибольший вес имеет качество жизни населения, что позволяет привлекать на эти территории специалистов высокой квалификации.

Этап 4. Определение когерентности интегрального показателя «потенциал социально-экономического развития ТОР» и технологий ключевых предприятий

Расчет интегрального показателя «потенциал социально-экономического развития ТОР» позволяет выявить варианты требуе-

мых изменений с целью перехода на следующий уровень развития территории (табл. 5). Если потенциал развития ТОР имеет значение больше 1, то это показатель того, что система готова к изменениям I типа: в системе уже присутствуют институты нового уровня технологического развития территории, они активно развиваются. Необходимо закрепление новых функций за вновь образованными институциональными структурами, обеспечение их упорядоченности, непротиворечивости, установления взаимосвязей элементов ТОР.

Если ИПТОР сформирован в диапазоне от -1 до 1 , то системе требуются изменения II типа — формирование структур, институтов развития следующего уровня эволюции системы.

Когда рассчитанный интегральный потенциал развития ТОР соответствует уровню технологий ключевого резидента (показатель меньше -1), трансформация структурных элементов ТОР начинается с изменений III типа: изменения мышления лидера, стейкхолдеров, уровня их взаимодействия, обсуждения изменения стратегии развития и т. п.

Полученные результаты

Апробация методики оценки потенциала социально-экономического развития проведена на данных 9 ТОР, созданных в моногородах — по 3 ТОР с наибольшим, наименьшим и средним количеством действующих резидентов (табл. 6).

Таблица 5

Диагностика необходимых изменений в ТОР на основе интегрального показателя «потенциал социально-экономического развития ТОР»

Table 5

Analysis of necessary changes in PDAs based on the integral indicator «socio-economic potential of PDAs»

Значение ИПТОР	Диагностика состояния развития территории	Требуемые изменения	Необходимые действия
Меньше -1	В системе не хватает потенциала развития (ресурсов, институтов развития, инфраструктуры) для текущего функционирования производств	III типа	Изменение мышления лидера, стейкхолдеров, уровня их взаимодействия, обсуждения изменения стратегии развития с целью выхода на следующий этап эволюции
От -1 до 1	В системе начинают формироваться элементы нового этапа эволюции	II типа	Разработка, развитие и внедрение системообразующих институтов следующего уровня эволюции территории
Больше 1	Система готова переходить на следующий этап эволюции	I типа	Закрепление новых функций за вновь образованными институциональными структурами, обеспечение упорядоченности, взаимосвязи элементов системы, их непротиворечивости.

Источник: составлено авторами.

Таблица 6

Базовая информация по 9 анализируемым ТОР

Table 6

Basic information on 9 analysed PDAs

№	Моногород, регион	Кол-во резидентов, ед.			Доля дейст. в числе зарег., %	Градообразующее предприятие
		Зарегист.	Ликвид.	Действ.		
1	Тольятти, Самарская область	93	25	68	73,1	ПАО «АвтоВАЗ»
2	Набережные Челны, Республика Татарстан	58	11	47	81,0	ПАО «КАМАЗ»
3	Невинномысск, Ставропольский край	47	5	42	89,4	АО «Невинномысский азот»
4	Ефремов, Тульская область	18	5	13	72,2	АО «Ефремовский завод синтетического каучука»
5	Прокопьевск, Кемеровская область	19	6	13	68,4	ООО «Обогащительная фабрика Прокопьевскуголь»
6	Мценск, Орловская область	18	5	13	72,2	ОАО «Мценский литейный завод»
7	Абаза, Республика Хакасия	3	3	0	0,0	АО «Абазинский рудник»
8	Белая Холуница, Кировская область	3	3	0	0,0	ООО «Белохолуницкий машиностроительный завод»
9	Кувшиново, Тверская область	0	0	0	—	АО «Каменская бумажно-картонная фабрика»

Источник: составлено авторами.

Рассчитанный интегральный показатель «потенциал социально-экономического развития территории» выявил, что у 6 из 9 анализируемых преференциальных территорий отмечаются разрывы III типа: ресурсы, институты развития, инфраструктура соответствуют текущему уровню технологического развития территории. На рисунке 5 такие ТОР расположены в зоне с отрицательным значением ИПТОР. Их трансформация должна начинаться с накопления новых элементов, что составляет суть изменений третьего типа в системе: изменение мышления и качества взаимодействия лидеров, персон, заинтересованных и ответственных за развитие территории, другой уровень обсуждения стратегических направления развития с целью выхода на следующий этап эволюции. Результатами этих изменений являются количественные изменения на самом нижнем уровне, которые не приводят к образованию новых функций (переходы второго типа) и к образованию новых структур (переходы первого типа). Фазовые переходы третьего типа трудно распознаваемы, но все изменения начинаются именно с них.

Три моногорода (Набережные Челны, Тольятти и Невинномысск) готовы к изменениям I типа — в системе уже присутствуют институты нового уровня технологического развития территории и имеется потенциал перехода на следующий уровень развития. Для этих

территорий необходимо закрепление новых функций за вновь образованными институциональными структурами, обеспечение их упорядоченности, непротиворечивости, установления взаимосвязей элементов ТОР. При этом в ТОР Набережные Челны и ТОР Тольятти важно привлекать резидентов 5 УТР, а в ТОР Невинномысск — 4 УТР.

Проведенные исследования подтвердили, что ТОР интегрированы в пространство региона, потенциал развития которого оказывает прямое влияние на перспективы преференциальной территории. Стратегический потенциал развития регионов, где действует ТОР, на рисунке 5 выделен разным цветом: зеленый цвет — это ТОР, созданные в регионах с сильным потенциалом социально-экономического развития, красный — это регионы со слабым потенциалом, желтый — промежуточный вариант.

Соответственно, они могут опираться в своем развитии на стратегический потенциал региона:

— Набережные Челны: Республика Татарстан характеризуется высоким уровнем качества жизни и инвестиционной привлекательности (2-й ранг), средним уровнем развития преференциальных режимов (3-й ранг);

— Тольятти: Самарская область — высокий уровень инвестиционной привлекательности (3-й ранг), средний уровень качества жизни

Рис. 5. Диагностика требуемых изменений в 9 моногородах со статусом TOP (рассчитано по авторской методике)
Fig. 5. Analysis of necessary changes in 9 single-industry towns with the PDA status

(2-й ранг), низкий уровень развития преференциальных режимов (2-й ранг);

— Ефремов: Тульская область — средний уровень качества жизни и инвестиционной привлекательности (1-й ранг), низкий уровень развития преференциальных режимов (2-й ранг).

На основе результатов оценки потенциала развития TOP необходимо внести в стратегические документы по развитию преференциальных территорий и региона соответствующие изменения по уровню использования технологий потенциальными резидентами.

Заключение

Анализ развития преференциальных территорий выявил, что их создание и функционирование неоднозначно с позиции полученных результатов. Наличие широкого спектра территорий, которые предоставляют серьезные преференции как крупным инвестпроектам с суммой капитальных вложений не менее 120 млн руб. (промышленно-производственная ОЭЗ), так и небольшим с суммой инвестиций менее 5 млн руб. (большинство TOP), по сути, дают возможности бизнесу любого масштаба открыть новое производство в статусе резидента. Но недопустима ситуация,

когда резиденты открывают производства с более низким уровнем технологического развития, чем у действующих предприятий.

Проведенный SWOT анализ применительно к TOP выявил как наличие возможностей в части привлечения инвестиций и открытия новых производств, так и серьезные угрозы. Действующий формат развития TOP не учитывает уровень и качество потенциала развития данных территорий. И это особенно значимая угроза в условиях новой реальности.

Оценка потенциала социально-экономического развития TOP в моногородах позволила подтвердить выдвинутую гипотезу. Установлено, что целенаправленное использование выявленного потенциала TOP и более жесткие требования к потенциальным резидентам в части критериев отбора планируемых технологий позволят вывести экономику моногородов из депрессивного состояния и улучшить условия жизни населения. Реализация технологий, соответствующих современным критериям развития отечественной промышленности, явится реальной основой повышения уровня технологического развития данных территорий, что будет способствовать достижению технологического суверенитета России.

Список источников

Акбердина, В. В., Василенко, Е. В. (2023). Базовые стратегии поведения промышленности как участника региональных инновационных экосистем. *AlterEconomics*, 20(3), 548-569. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.4>

Аркин, В. И., Слестников, В. И. (2017). Сравнительный анализ налоговых льгот в TOP и ОЭЗ. *Экономическая наука современной России*, 4(79), 78-87.

Бакланов, П. Я. (2014). Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению. *Региональные исследования*, 3(45), 12-19.

- Борщевский, Г. А. (2024). Влияние преференциальных режимов на развитие макрорегиона Дальнего Востока. *Вопросы экономики*, (2), 103-124. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-103-124>
- Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н. (2015). Территории опережающего развития: падение или иллюзия? *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, (2), 72-84.
- Виленский, А. В. (2020). От свободных экономических зон к территориям опережающего развития. *Федерализм*, (1), 27-43. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-27-43>
- Виленский, А. В. (2021). Особые экономические зоны и территории опережающего социально-экономического развития: экстенсивный рост. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, 11(8А), 135-144.
- Галиуллина, Г. Ф. (2018). Проектирование территорий опережающего социально-экономического развития на основе институционально-синергетического подхода. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, 3(2), 73-84. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-2-73-84>
- Гуляева, В. Б., Хамад, М. (2020). Особые экономические зоны как инструмент привлечения инвестиций в регионы. *Инновации*, 10(264), 57-64. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.264.10.007>
- Кашина, Н. В. (2016). Территории опережающего развития: новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток России. *Экономика региона*, 12(2), 569-585.
- Козлова, О. А., Макарова, М. Н. (2022). Оценка демографических потерь трудового потенциала региона. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент*, 16(2), 64-72. <https://doi.org/10.14529/em220206>
- Котлярова, С. Н. (2022). Инфраструктурные ограничения развития регионального экономического пространства. *Экономика и управление*, 28(11), 1100-1108. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-11-1100-1108>
- Кузнецов, Б. (2005). Гипотеза синергетического рынка в свете феноменологической теории фазовых переходов Л. Ландау. *Вопросы экономики*, (8), 48-53. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-8-48-53>
- Лаврикова, Ю. Г., Суворова, А. В. (2021). Угрозы пространственного развития страны: особенности оценки. *Экономика и управление*, 27(3), 152-164. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-3-152-164>
- Леонов, С. Н. (2020). Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 13(3), 28-45. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.3>
- Наумов, И. В., Седелников, В. М., Аверина, Л. М. (2020). Эволюция теорий пространственного развития: принципиальные особенности и современные задачи исследований. *Журнал экономической теории*, 17(2), 383-398. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.12>
- Романова, О. А. (2011). Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы. *Экономика региона*, (2), 40-49.
- Степанов, Н. С. (2023). Институты развития регионального управления новой модели экономического роста (территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития). *Вестник университета*, 1(1), 106-113. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-106-113>
- Тургель, И. Д., Божко, Л. Л., Прачева, Е. В. (2019). Зоны с особыми условиями хозяйственной деятельности как инструмент региональной и кластерной политики (опыт России и Казахстана). *Научные труды Вольного экономического общества России*, 215, 385-400.
- Цыганков, Э. М. (2017). Проблемы налогообложения различных форм инвестиционного развития. *Налоговая политика и практика*, 1(169), 74-77.
- Швецов, А. Н. (2016). «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий). *Российский экономический журнал*, (3), 40-61.
- Швецов, А. Н. (2018). Инструменты политики поляризованного пространственного развития. *Федерализм*, 1(89), 82-103.
- Ahmed, W., Tan, Q., Solangi, Y. A., & Ali, S. (2020). Sustainable and special economic zone selection under fuzzy environment: A case of Pakistan. *Symmetry*, 12(2), 242. <https://doi.org/10.3390/sym12020242>
- Alder, S., Shao, L., & Zilibotti, F. (2016) Economic reforms and industrial policy in a panel of Chinese cities. *Journal of Economic Growth*, 21(4), 305-349. <https://doi.org/10.1007/s10887-016-9131-x>
- Alkon, M. (2018). Do special economic zones induce developmental spillovers? Evidence from India's states. *World Development*, 107, 396-409. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.02.028>
- Dorożyński, T., Świerkocki, J., & Urbaniak, W. (2018). Determinants of investment attractiveness of Polish special economic zones. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 6(4), 161-180. <https://doi.org/10.15678/EBER.2018.060409>
- Hardaker, S. (2020) Embedded Enclaves? Initial Implications of Development of Special Economic Zones in Myanmar. *European Journal of Development Research*, 32(2), 404-430. <https://doi.org/10.1057/s41287-020-00271-2>
- Holden, C. (2017). Graduated sovereignty and global governance gaps: Special economic zones and the illicit trade in tobacco products. *Political Geography*, 59, 72-81. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.03.002>
- Liu, W., Shi, H.-B., Zhang, Z., Tsai, S.-B., Zhai, Y., Chen, Q., & Wang, J. (2018). The development evaluation of economic zones in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(1), 56. <https://doi.org/10.3390/ijerph15010056>

Möller, A. (2019). Using inclusive infrastructure to promote pro-poor growth in spatial development initiatives. *Myanmar Economic Bulletin*. https://www.academia.edu/38885655/Using_inclusive_infrastructure_to_promote_pro_poor_growth_in_spatial_development_initiatives

Quaicoe, A., Aboagye, A. Q. Q., & Bokpin, G. A. (2017). Assessing the impact of export processing zones on economic growth in Ghana. *Research in International Business and Finance*, 42, 1150–1163. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2017.07.052>

Zheng, Y. (2013). *Governance and foreign investment in China, India, and Taiwan: Credibility, flexibility, and international business*. University of Michigan Press, 254. <https://doi.org/10.3998/mpub.5205111>

References

Ahmed, W., Tan, Q., Solangi, Y. A., & Ali, S. (2020). Sustainable and special economic zone selection under fuzzy environment: A case of Pakistan. *Symmetry*, 12(2), 242. <https://doi.org/10.3390/sym12020242>

Akberdina, V. V., & Vasilenko, E. V. (2023). Basic Strategies for the Behaviour of Industry as a Participant in Regional Innovation Ecosystems. *AlterEconomics*, 20(3), 548-569. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.4> (In Russ.)

Alder, S., Shao, L., & Zilibotti, F. (2016) Economic reforms and industrial policy in a panel of Chinese cities. *Journal of Economic Growth*, 21(4), 305-349. <https://doi.org/10.1007/s10887-016-9131-x>

Alkon, M. (2018). Do special economic zones induce developmental spillovers? Evidence from India's states. *World Development*, 107, 396-409. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.02.028>

Arkin, V. I., & Slastnikov, A. D. (2017). Comparative Analysis of Tax Benefits in Territories of Priority Development and Special Economic Zones. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 4(79), 78-87. (In Russ.)

Baklanov, P. Ya. (2014). Advanced development territories: high risks and the need for an active sectoral policy of the state. *Regionalnye issledovaniya [Regional Studies]*, 3(45), 12-19. (In Russ.)

Borshchevsky, G. A. (2024). The influence of preferential regimes on the development of the macroregion of the Far East. *Voprosy Ekonomiki*, (2), 103-124. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-103-124> (In Russ.)

Bukhvald, E. M., & Valentik, O. N. (2015). The territories of advanced development: breakthrough or illusion? *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [ETAP: economic theory, analysis, and practice]*, (2), 72-84. (In Russ.)

Dorożyński, T., Świerkocki, J., & Urbaniak, W. (2018). Determinants of investment attractiveness of Polish special economic zones. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 6(4), 161-180. <https://doi.org/10.15678/EBER.2018.060409>

Galiullina, G. F. (2018). Institutional-synergetic approach to the planning of territories of advanced social and economic development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki [Bulletin of Kemerovo State University. Series: political, sociological and economic sciences]*, 3(2), 73-84. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-2-73-84> (In Russ.)

Gulyaeva, V. B., & Hamad, M. (2020). Special economic zones as a regional investment instrument. *Innovatsii [Innovations]*, 10(264), 57-64. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.264.10.007> (In Russ.)

Hardaker, S. (2020) Embedded Enclaves? Initial Implications of Development of Special Economic Zones in Myanmar. *European Journal of Development Research*, 32(2), 404-430. <https://doi.org/10.1057/s41287-020-00271-2>

Holden, C. (2017). Graduated sovereignty and global governance gaps: Special economic zones and the illicit trade in tobacco products. *Political Geography*, 59, 72-81. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.03.002>

Kashina, N. V. (2016). Priority development areas: a new tool for attracting investment in the Far East of Russia. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 12(2), 569-585. (In Russ.)

Kotlyarova, S. N. (2022). Infrastructural constraints on the development of the regional economic space. *Ekonomika i upravlenie [Economics and Management]*, 28(11), 1100-1108. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-11-1100-1108> (In Russ.)

Kozlova, O. A., & Makarova, M. N. (2022). Assessment of the demographic losses of labor potential in a region. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management"]*, 16(2), 64-72. <https://doi.org/10.14529/em220206> (In Russ.)

Kuznetsov, B. (2005). Synergetic market hypothesis in the light of phenomenological theory of phase transfers of L. Landau. *Voprosy Ekonomiki*, (8), 48-53. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-8-48-53> (In Russ.)

Lavrikova, Yu. G., Suvorova, A. V. (2021). Threats to national spatial development: features of assessment. *Ekonomika i upravlenie [Economics and Management]*, 27(3), 152-164. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-3-152-164> (In Russ.)

Leonov, S. N. (2020). Preferential regimes of established local growth points and its impact on the economy of the Far East. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 13(3), 28-45. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.3> (In Russ.)

Liu, W., Shi, H.-B., Zhang, Z., Tsai, S.-B., Zhai, Y., Chen, Q., & Wang, J. (2018). The development evaluation of economic zones in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(1), 56. <https://doi.org/10.3390/ijerph15010056>

Möller, A. (2019). Using inclusive infrastructure to promote pro-poor growth in spatial development initiatives. *Myanmar Economic Bulletin*. https://www.academia.edu/38885655/Using_inclusive_infrastructure_to_promote_pro_poor_growth_in_spatial_development_initiatives

- Naumov, I. V., Sedelnikov, V. M., & Averina, L. M. (2020). Evolution of the spatial development theories: principal features and modern objectives of research. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian journal of economic theory]*, 17(2), 383-398. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.12> (In Russ.)
- Quaicoo, A., Aboagye, A. Q. Q., & Bokpin, G. A. (2017). Assessing the impact of export processing zones on economic growth in Ghana. *Research in International Business and Finance*, 42, 1150-1163. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2017.07.052>
- Romanova, O. A. (2011). Conditions and factors of structural modernization of a regional industrial system. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, (2), 40-49. (In Russ.)
- Shvetsov, A. N. (2016). "Points of growth" or "black holes"? (Concerning application effectiveness of "zonal" tools for government boosting of territories' economic dynamics). *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian economic journal]*, (3), 40-61. (In Russ.)
- Shvetsov, A. N. (2018). The instruments of polarized spatial development policy. *Federalizm [Federalism]*, 1(89), 82-103. (In Russ.)
- Stepanov, N. S. (2023). Institutes for the new model of economic growth regional management development (territories of advanced development, territories of advanced social and economic development). *Vestnik Universiteta*, 1(1), 106-113. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-106-113> (In Russ.)
- Tsygankov, E. M. (2017). Problems of taxation of various forms of investment development. *Nalogovaya politika i praktika [Tax policy and practice]*, 1(169), 74-77. (In Russ.)
- Turgel, I. D., Bozhko, L. L., & Pracheva, E. V. (2019). Special economic zones as a tool for regional and cluster policies (experience of Russia and Kazakhstan). *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific works of the Free Economic Society of Russia]*, 215, 385-400. (In Russ.)
- Vilenskii, A. V. (2021). Special economic zones and territories of advanced socio-economic development: extensive growth. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: yesterday, today and tomorrow]*, 11(8A), 135-144. (In Russ.)
- Vilenskiy, A. V. (2020). From Free Economic Zones to Territories of Advanced Development. *Federalizm [Federalism]*, (1), 27-43. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-27-43> (In Russ.)
- Zheng, Y. (2013). *Governance and foreign investment in China, India, and Taiwan: Credibility, flexibility, and international business*. University of Michigan Press, 254. <https://doi.org/10.3998/mpub.5205111>

Информация об авторах

Романова Ольга Александровна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-6647-9961>; Scopus Author ID: 24512702800 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: romanova.oa@uiec.ru).

Галиуллина Гыльфия Фагимовна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-8470-1079>; Scopus Author ID: 57212514834 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: galiullina.gf@uiec.ru).

About the authors

Olga A. Romanova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-6647-9961>; Scopus Author ID: 24512702800 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: romanova.oa@uiec.ru).

Gul'ia F. Galiullina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <http://orcid.org/0000-0002-8470-1079>; Scopus Author ID: 57212514834 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: galiullina.gf@uiec.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 19.04.2024.

Прошла рецензирование: 06.06.2024.

Принято решение о публикации: 20.06.2024.

Received: 19 Apr 2024.

Reviewed: 06 Jun 2024.

Accepted: 20 Jun 2024.